

Высокий урожай—дело наших рук

Доклад Натальи АФОНИНОЙ, звеньевой колхоза „Свобода“, Щировского района на бюро обкома ВКП(б)

Г. ХАЛИЛЕЦКИЙ

Баллада о трех товарищах

Наш Щировский район — отстоявший в области. Звеньевых урожай можно пересчитать по пальцам. Мы, ефремовцы района, еще не получаем таких урожаев, как ефремовцы южных районов. Но то, чего мы достигаем в условиях еще отстоявших колхозов, длинный ряд подтверждает, что может быть и старание.

Но прежде чем начать рассказ об успехах звена, мне хочется вспомнить, какие беды принесли нашему колхозу и колхозникам немецкие злодеи.

Они оставили пустырь. Немцы пришли к нам в ноябре 1941 года и, казалось, что свет погас. Они сразу же показали свои звериные когти. Вначале отбирали у нас хлеб и скот, а потом объявили: за 10 минут собрать и уйти в их тыл. В чем были мы, в том и ушли.

Летом 1942 года мы стали ходить в свое село Семеновку. Все, что было в хатах наших и во дворах: хлеб, скот, скот и птица, — немцы забрали. В подвалах остались картошка. За ней-то мы и ходили. Как-то вместе с другими односельчанами и я пошла в село. И тут произошло самое страшное. Немцы устроили облаву. 35 человек, в том числе старух и детей, собрали вместе и вывели в поле. Застрелили пулеметами. Бить было некуда. Я упала. Немцы стреляли еще долго, но когда они ушли, я поднялась. Из 35 человек поднялась еще одна, моя подружка Елена Пасынкова. Остальные были убиты. Чужим мы уехали в Еленой. После этой кровавой расправы мы уже не ходили в село, жили, кто как мог.

В феврале 1943 года пришла колхозная Красная Армия. Вернулись мы на родное место. Отступили, немцы сожгли 140 паших хат и все колхозные постройки. Остались полуразрушенными только 40 хат. Мы разместились в подвалах. Красная Армия помогла нам продуктами питания. Мы стали думать о настоящей, человеческой жизни и с великой верой ждали за возрождение колхоза.

С ЧЕГО МЫ НАЧАЛИ

Еще в 1935 году я стала звеньевой. Из года в год мое звено получало высокие урожаи сахарной свеклы. В 1940 году звено вырастило 285 центнеров свеклы с гектара — самый большой урожай в районе. В 1941 году я была участницей Всесоюзной сельскохозяйственной выставки, где получила почетную грамоту.

Летом 1943 года ко мне обратился наш прежний председатель колхоза т. Афонин с такими словами:

— С помощью государства мы посеяли яровые. Есть у нас семена и на озимь. Все колхозники работают хорошо, но надо пример показывать. На тебя, как опытного ефремовку, вся надежда. Подбери звено и планомерно борись за ефремовские урожаи.

— Какие ж мы ефремовцы будем, если в колхозе почти нет ни тяги, ни инвентаря, даже коров колхозники не имеют, — усомнилась я.

— Берись, Наташа, не бойся. Дело идет к тому, чтобы все у нас было. Все от нас самих зависит. Будешь трудиться и поможешь тебе всяческая будет.

Подобрала я звено себе, — по собственному желанию в него вошли. Первыми вошли Елена Пасынкова и Анастасия Афонина — до войны они в моем звене работали. Так набралось 10 женщин. На колхозном собрании мы взяли обязательство: на площади 10 гектаров собрать по 12 центнеров свеклы.

Летом начали готовить участок под посев. Не ожидая пока трактор приедет, взяли лопаты и вышли работать вручную. Все силы отложили в работу. По 10 гектаров вспахали. Летом же заготавливали местные удобрения. Вручную вывезли на участок 15 тонн навоза.

Перед посевом из Щировской МТС пришел трактор. Он перепахал участок и рядовой сеялкой посеял его. Сев был ранний, всходы появились быстро и до осенних заморозков хорошо окрепли. Зимой на своих плечах со станции Щиры мы привезли 7 центнеров суперфосфата.

Весной озимые вышли ровными и крепкими. Мы рассылали по ним и суперфосфат, и золу, а затем сделали двукратное боронование. Посевы пропололи два раза.

Уборку провели своевременно. Взяв урожай — каждый гектар дал 21 цент. Нап труд был вознагражден с лихвой: только в порядке дополнительной оплаты звено получило 26 центнеров зерна. Вспомнишь сейчас, как мы работали в тот первый год после освобождения, и самой не верится. Покупать только: и поле лопатами копали, и удобрения минальные на своих плечах — несколько километров носили — всяко бывало. А почему так трудно? Большинство партии и советская власть хотят, чтобы мы опять хорошо жили, помогаем нам и землю обработать и хаты поставить.

НАША АГРОТЕХНИКА

В прошлом году мы вырастили такой урожай: ржи — 9,3 центнера, яровой пшеницы — 10,6, ячменя — 13 и сахарной свеклы — 10,12 центнеров с каждого гектара. При этом надо учитывать, что среднестатистический урожай зерновых был 4 центнера с га. Урожай

нашего звена — самый высокий в районе. Мы перешагнули свой план и за это получили 13 центнеров зерна, как доплатили оплату.

Посоветовавшись с членами звена и агрономом, в нынешнем году я решила вырастить на каждом гектаре по 12 центнеров ржи, 17 — яровой пшеницы, 25 — ячменя, 30 — проса и 500 центнеров сахарной свеклы.

В прошлом году мы смогли бы собрать урожай выше. Но мы не применили во всей полноте агротехнику. Рожь была посеяна по недостаточно разработанной почве, пары под нее не вспахали, удобрения не вносили. Весеннее боронование и подкормка хотя и выполняли, но все же многие центнеры хлеба были потеряны. Яровые и сахарную свеклу сеяли лишь по вспашке — зяби не было. На три-четыре дня затянули посев этих культур, так как трактор работал с перебоями. Недостаточно внесли и удобрений, а под посев ячменя их совсем не дали. И озимые и яровые сеяли вразброс, так как не было сеялок.

Мы не забыли о своих упущениях, когда начинали борьбу за высокий урожай этого года, учли свои ошибки и попытались их исправить. В январе я потребовала от правления колхоза, чтобы за звеном закрепили живое тягло и инвентарь. Правление выделило двух волов, конный культиватор, плуг и две бороны. Согласно нашему агротехническому плану, этих средств было достаточно, так как пахоту и посев намечалось провести силами МТС.

На всей закрепленной за звеном площади (30 гектаров) два раза провели снегозадержание. Снежный покров был доведен до 75 сантиметров, а местами до одного метра. Всю зиму заготавливали местные удобрения, вывезали на полях и перенесли на себе 100 тонн навоза. Навоз складывали в большие бурты для того, чтобы он хорошо перепрел и чтобы уже потом, перед севом, разбросать его. Также собрали 20 центнеров пшеницы и 12 центнеров пшеницы — с сеялки, а со станции Щиры привезли 60 цент. минеральных удобрений — суперфосфата и сульфата аммония. Заранее подготовили и семена, обработали их на сортировке. В пшеницу понапекли семена других культур — отсыпали на ручных ситах, руками отбывали.

Вот как мы встретили весенний сев нынешнего года! Но еще скажу о предшествующих — они очень влияют на урожай. Поэтому, когда звену были отведены участки, мы вместе с агрономом определили, какие культуры и по каким предшествующим будем сеять: пшеницу ячмень — там, где в прошлом году была сахарная свекла, свеклу — где была рожь.

Посевные работы мы начали с подкормки озимых. Угнетенными заморозками на 10 гектарах посева внесли 12 центнеров суперфосфата, 9 центнеров сульфата аммония и 12 тонн навоза-сынца. Как только почва перестала мазаться, на выделенных звену двух полях пробороновали озимые в два следа. Тут нельзя умолчать, что в прошлом году тракторный отряд, обслуживающий колхоз, не имел сеялки, и поэтому рожь была посеяна вразброс. Тем не менее почва была разработана хорошо, пары унавожены и содержались в чистоте. Посев провели в ранний срок — в августе. Подкормка и боронование, сделанные ранней весной, вывели наши озимые, и они значительно выжили от посевов других звеньев.

Затем на всей площади разбросали навоз, накопленный за зиму. На это потребовалось немало труда. Все 190 тонн навоза мы разнесли на полях и распределили равномерно так, чтобы каждый метр земли получил удобрения. Перед тракторной культивацией, которая была сделана в два следа на 10 гектарах, рассылали по 25 центнеров суперфосфата и сульфата аммония, 20 цент. золы и 12 цент. птичьего помета. Здесь была посеяна пшеница поперекным способом при норме высева — 2 центнера семян на гектар. Ячмень посеяли тоже поперекным способом. Перед культивацией на каждый гектар внесли 2 центнера суперфосфата. Семена пшеницы и ячменя перед посевом были протравлены препаратом Давидова.

Площадь в 3 гектара, где посеяли сахарную свеклу, получила 100 тонн навоза, по 9 центнеров суперфосфата и сульфата аммония. Кроме того, при посеве в рядки внесли по 2 центнера суперфосфата на гектар. Сразу же после двукратной культивации в один день провели сев. Чтобы земля унавожилась и сохранила больше влаги, влоз и поперек прокатали ее катком. Плантацию окопали канавками.

Просеяв посев в середине мая, зябь у нас перепалана. Под культивацию внесем 3 тонны навоза-перепалы и 2 цент. суперфосфата на каждый гектар. Посев произведем широкоярусным ленточным способом. Посев пшеницы, ячменя и сахарной свеклы мы провели в самые короткие сроки. Одна работа была проведена за другой без малейшего разрыва. Все звено пошло со своих участков. Мы зорко следили за качеством обработки почвы, руками вытаскивали остатки прошлогодней засохшей травы, сами были прицеплены к трактору. Нам успех законно может разделить тракторный отряд Ивана Афонина, который готовил

почву и производил нам посев. Сам бригадир строго следил за качеством работ.

Сев мы провели неплохо, быстрее прошлогоднего, в лучшую почву, дали ей много удобрений. Основа высокого урожая есть. В дальнейшем намочем не менее двух раз прополку — первую, когда окрепнут всходы, чтобы изба-

вить их от сорных трав, и вторую, когда посевы начнут всходить, — чтобы удалить сорняки. Сейчас подождем сбор местных удобрений и используем их для подкормки сахарной свеклы. По мере появления всходов пшеницы сделаем подкормку их калийными удобрениями — ситами, что азотистых мы внесли достаточно. Бескоро намечается и к уборке.

ПРАВИЛЬНАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ ТРУДА — ЗАЛОГ УСПЕХА

Звеньевая в колхозе, что командир отделения в армии. Я знаю способности каждого члена звена, на каких работах он принесет больше пользы; знаю, как к кому подойти, наконец, сама стараюсь во всем показывать пример. Только при этом, по-моему, можно завоевать авторитет среди членов звена и правильно организовать их труд.

Я не знаю такого случая, чтобы члены звена не выполняли моих распоряжений. Надо выйти на работу в ночь-полночь — выйдут. В разгар сева Елена Пасынкова отпросилась у бригадира поехать домой, чтобы справиться со своими делами. Согласилась и я отпустить ее. Но когда вышел в поле, то оказалось, что одного человека для обслуживания сеялки не хватает. Работали мы недалеко от села, и я сама пошла к Пасынковой.

— Как хочешь, — говорю ей, — придется выходить на работу. Ничего не сказала Пасынкова: бросила свои домашние дела и вместе со мной пошла к сеялке. Значит, хорошая дисциплина в звене позволяет мне четко организовать труд.

Индивидуальная сделка помогает правильно организовать труд в звене и повысить производительность каждого колхозника. О ней я впервые услышала на районном совещании передовиков сельского хозяйства еще перед осенним севом 1945 года.

Я решила организовать работу так, как советовали на районном совещании, то есть там, где возможно — давать задания членам звена и отдельно учитывать труд каждого из них. Разовало, что женщины с охотой шли на это. Ведь уже в 1944 году за перевыполнение урожайности по ржи звено получило 26 центнеров дополнительной оплаты. Не получило бы звено эту оплату, если бы не было так, как сейчас, — когда звеном было выполнено задание, а на одной и той же работе за день не сделал каждый член звена всем записывали индивидуальную выработку.

Наталья мы убедились в выгоде сделки при обработке сахарной свеклы. Делая по 0,21 центнера свеклы собой еще перед началом сева. Женщины следили,

как посеяны их деланки. Помню, как Елена Пасынкова ходила за сеялкой и заметала вешиком плохое заделанное в рядках семя. Но ее примеру работали и другие.

Каждая колхозница обрабатывала свой участок. Уже весной после повторной проверки было замечено, что посева на деланках Пасынковой и Афонинной выделены. Эти женщины раньше других выполнили все работы по уходу за ними. Переклад их можно было видеть на своих деланках до восхода солнца, когда другие еще были дома.

Раньше всех Пасынкова и Афонина выкопали и очистили свеклу со своих деланок. За день каждая выкапывала по 0,11 га при норме 0,04 гектара — давала почти три нормы. Урожай на своих участках Пасынкова и Афонина вырастили больше, чем другие члены звена. По моему мнению, выгода от этих двух передовых женщин, конечно, есть: они больше тугоухой выработали, потому что помогали друг другу. Но мне кажется, что следовало бы как-то учитывать урожай, выраженный отдельными членами звена, и вознаграждать тех, кто больше старания приложил.

Сделка также применялась на прополке и уборке зерновых. Так, Мария Афонина и Александра Горюхова скашивали в день по 0,45—0,50 гектара ячменя, тогда как другие члены звена — по 0,30—0,35 га. Сделка была во многом полезна звену: быть все-таки вперед, первым в колхозе сносить, засекривать и обмолачивать свой урожай.

Мне об этом, что в большинстве звеньев колхоза (их 17) сделка была не в почете. В звене Зинаиды Афонинной и урожай был ниже нашего звена, и уборку его они затянули на две-три недели. А приемы работы в звене сделка, такого отставания не было бы. Правление колхоза виновато, что сделка в большинстве звеньев не стала законом. Мы не могли, например, добиться, чтобы за перевыполнение норм выработки начислялась прогрессивная оплата.

В нашем звене известно, сколько каждая женщина зимой собирала местных удобрений. На подкормку озимых колхозники получали определенную площадь. Уже сейчас выделяли деланки на площади, где будет посеяна сахарная свекла. Одним словом, сделка была и в этом году нашей первой помощницей.

За перевыполнение урожайности в прошлом году мы получили 13 центнеров зерна, как дополнительную оплату. Трудность в нашем звене обещает второе весомое оклохозное. Члены звена не хотят уходить в грязь лицом и тут перед трудом стараются побольше выработать. Пусть же правление платит ежедневный учет, введет прогрессивную за перевыполнение норм выработки и дела у нас пойдут скорее.

ХОРОШИЙ ПРИМЕР УВЛЕКАЕТ ДРУГИХ

На собраниях, да и в частных беседах, я всегда говорила колхозникам:

— Мы такие же, как и все, руки у нас у всех работы не бояться. Идите за нами, и урожай высокие собирать будете.

Видно, смелости у наших звеньевых не хватало. Как-то еще в январе 1945 года я встретила звеньевую райового звена Веру Григорову. Левушка она работавшая, члены звена уважали ее.

— Давай, Вера, — говорю, — соревнуйся за высокий урожай. Где, что не будет, получаться — помогу советом.

Вера поговорила с членами своего звена и на колхозном собрании наши звенья заключили социалистический договор, в котором взяли на себя высокие обязательства. С этого и началось. Наши звенья дружнее всех к весне 1945 года готовились. В один из

дней мы навоз на поле вывозили. На наш участок пришла Вера. Хоту посмотреть, как навоз сохраняете, — сказала она.

Мне было очень приятно, что звено Григоровой серьезно за дело взялось. — Оставь навоз в небольших кучках, по всему полю, не советую. Так он плохо перепревает, да и свою полноту теряет. Мы его складываем в бурты. Даже в большие морозы он дымится, а потом уже, когда сойдет снег, будем разносить по всему полю.

Так стало делать и звено Григоровой. Не раз бывала у нас Григоровой во время сева и других полевых работ. Спрашивала о нормах высева, сколько, каких и под какую культуру удобрений вносить. Одним словом, мы работали с ней рука об руку.

Подвели итоги соревнования. Оказалось, что звено Григоровой план урожайности тоже перевыполнило, хотя и не дотянуло до нашего звена. Оно получило как дополнительную оплату 8 центнеров зерна.

К успеху моего звена колхозники как-то привыкли, считали его делом само собой разумеющимся. По достижении звена Григоровой всеохватили колхозники. Они убедились, что каждое звено в любых условиях может хлеба много собрать, что их труд будет оплачен, как следует. И мне вспоминается шумное общее собрание наших колхозников. Я и Григоровой были на нем как бы соперницами. Нам рассказывали подробно, как мы за урожай боролись. Потом начали выступать колхозники. Райовая колхозница Антонина Пасынкова говорила:

— Наша звеньевая не хочет становиться ефремовкой, но на ней свет клином не сошелся. Я решила набрать себе звено и работать по примеру Афонинной и Григоровой. Ко мне уже желают пойти четыре колхозницы. Думаю, что и остальные члены звена наберутся. Тут же, на собрании, еще пять колхозниц записались в новое звено Пасынковой. Объявили себя звеньевыми-ефремовками Матрена и Анастасия Горюховы.

В этом году в нашем колхозе уже пять звеньев борются за высокий урожай. Новые ефремовцы взялись за дело горячо. Это видно уже было по подготовке к весне. От правления колхоза они добились закрепления за ними тягла и инвентаря. Каждое из них вывезло на свои участки около 100 тонн навоза, заготовило десятки центнеров местных и минеральных удобрений. Да и на сева наши ефремовские звенья идут вперед всех.

После моего звена закончили сев при соблюдении всех правил агротехники звено Григоровой. Хорошо провели сев и звенья Пасынковой и Горюховых. Особенно много они сделали по очистке своих участков от прошлогодней сорной травы.

Я от души рада, что у нашего звена есть последователи. В них я вижу силу, которая в недалеком будущем весь наш колхоз сделает высокоурожайным.

С СРЕВНОВАНИЕ КИРПИЧНИКОВ

Сезон начался, ошибки повторяются...

Наш колхоз «Свобода» более многих пострадал от немецкой оккупации. С помощью родного, советского государства мы, колхозники, сумели подняться на весь рост. Но встречается еще немало трудностей. Эти трудности испытывает и наше звено. Колхоз не имеет возможности выделять для звена достаточно тягла и инвентаря. Четыре члена звена еще не успели построить себе хаты. Но нас не страшит ничто. Мы знаем, что судьба колхоза — в наших руках, а колхоз — наша опора в жизни. От имени колхозников своей артеи заявляю: не пожалеем своих сил, чтобы наш колхоз стал богаче, чем был до войны, чтобы крепла и процветала могучая наша Родина.

Ширь — свобода, даль — ясна, В жизнь народ шагает смело. Долголетия война Отшумела, отгорела. Отошла пора атак, Пала черная преграда, Но не иначе, а так Начинается баллада: Где-то бродят корабли, Где-то берег, где-то море, Где-то в море на просторе Волны сонные лежат.

А друзья сидят втроем, Спины греют на пригорке, И в сердцах у парней-горько: Каждый думает — вернуться б На корабль, в родичий дом. Где-то Балтика ревет, Слово буря дует в горы, Где-то зорюшка над Черным Необятная встает, Где-то скалы да туман, Где-то Тихий океан. А друзья сидят втроем, На высоком, видном месте. Хот и каждый о своем — Об одном мечтают вместе, Потому что ведь волна, Что в сердцах тревогу будит, Одинокое повсюду. И сладка, и солона, Белый парус над волной — Одинокое родно...

Ординарею наскаку Соскочил — и лодка стала. Приказание: морю! В штаб немедля к генералу. Разом поднялись дружки, Мысли-вихрем, мысли-роем: — Все мы трое — моряки, Значит, в штаб пойдем мы трое. Генерал смеется: — По Одного я звал матроса. Если так — начну с вопроса, Вы скажите мне одно: Кто из нас, без лишних слов (Трое стынут в ожиданье) Жизнь пожертвовать готов? — Очень трудное задание! Не в атаку, не в штыки — Тут не та нужна отвага... И шагнули моряки. Все втроем — вперед два шага. — Вот и славно! Он неслет троекратно: — Видеть вас хочу в живых, Вы должны притти обратно. Трое. Слышите? Должны! Чуть пути не разминусь! Краснофлотцы повернулись, Будто разом три волны. В берег, дружки, плеснулись.

Где-то Балтика ревет, Слово буря дует в горы, Где-то зорюшка над Черным Семимчатая встает, Где-то скалы да туман, Где-то Тихий океан. А друзья ползут втроем Надью, тропками степными, Пробираются живьем — И — кровавый след за ними. Шепчет первый: — Не могу, До своих мне не добраться... Поклонится морю, братцы, На Кронштадтском берегу! А друзья ему в ответ: — Тихее... Слышите рокот моря? Жить и жить на много лет, Немуча-гине на горе! Пусть дорога неслета! Дал ты клятву возвратиться, Кличет море моряка, Кличет Балтика балтийца! И опять ползут втроем По степному чернوبолью. Спускает вечер крылья. Над лесами, над живьем. И второй сказал в ночи: — Нет, уж, видно, не добраться... Вы меня оставьте, братцы... Двое шепчут: Помолчи! Пусть душа горит в огне — Ты к земле приткни ухом. Слышите: волны ропщут глухо, В Черноморской стороне! Вновь и вновь ползут они... Третий вдруг: — Прощайте, братцы! Пробирайтесь вы один, Суждено мне здесь остаться... А друзья: — Вглядись в туман: В черноту... За перевалом Встал наветр океан. И лет девятый валом! Ширь родима полей, Пахнет медом и полынью. За просторами, за синью Смотрят люди с кораблей. Через сотни дальних верст Видят: в поле, у откоса Поднялись и встали в рост И пошли вперед матросы!

Где-то Балтика ревет, Слово буря дует в горы, Где-то зорюшка над Черным Семимчатая встает, Где-то скалы да туман, Где-то Тихий океан. А друзья ползут втроем Через тучи, через колючки, Пробираются живьем. В тыл врагу, к далекой точке. Неиротная земля Пахнет горькою полынью. За просторами, за синью Смотрят люди с кораблей. Моряки спешат: — Скорее! ..И взлетает батрен Вместе с комьями земли. Но — борьбы короткий миг, Немцы — сава, немцы — сирава, И — схватили всех трох. Потаскали на расправу.

Горе на душу легло. Боль — все тинь, тинь, тинь... В темноте ночной село Беспокойно, скорбно дышет.

Вот уж тонко прокричал Молодой горластый кокет. Встать с земли балтеек хочет — И не может... Помолчал... Двое шепчут: — Нет, лежи, Береги, товарищ, силы... День встает — холодный, стильный День встает... Уходит жизнь... Где-то Балтика ревет, И торжественно и скорбно, Где-то зорюшка над Черным Светлой радугой встает, Где-то скалы да туман, Где-то Тихий океан. ...Целит немцы прямо в грудь. На траве искрятся росы... — Ну, скажите что-нибудь! — Офицер кричит матросам. Трое смотрят и молчат, В даль глядят, куда-то мимо. Офицер нестерпимо Кошет этот страшный взгляд. ...Залил и снова залил... Раскат

Зампрат в отдалении. Автоматчики в селезне Возвращаются назад. А в траве лежат тела — Три телешки полостых. Вдруг пристали один: — Ребята, Живы? — Живы! — Вот дела! ...Где-то Балтика ревет, Слово буря дует в горы, Где-то зорюшка над Черным Поднимается, встает. Где-то скалы да туман, Где-то Тихий океан. А друзья ползут втроем Надью, тропками степными, Пробираются живьем — И — кровавый след за ними. Шепчет первый: — Не могу, До своих мне не добраться... Поклонится морю, братцы, На Кронштадтском берегу! А друзья ему в ответ: — Тихее... Слышите рокот моря? Жить и жить на много лет, Немуча-гине на горе! Пусть дорога неслета! Дал ты клятву возвратиться, Кличет море моряка, Кличет Балтика балтийца! И опять ползут втроем По степному чернوبолью. Спускает вечер крылья. Над лесами, над живьем. И второй сказал в ночи: — Нет, уж, видно, не добраться... Вы меня оставьте, братцы... Двое шепчут: Помолчи! Пусть душа горит в огне — Ты к земле приткни ухом. Слышите: волны ропщут глухо, В Черноморской стороне! Вновь и вновь ползут они... Третий вдруг: — Прощайте, братцы! Пробирайтесь вы один, Суждено мне здесь остаться... А друзья: — Вглядись в туман: В черноту... За перевалом Встал наветр океан. И лет девятый валом! Ширь родима полей, Пахнет медом и полынью. За просторами, за синью Смотрят люди с кораблей. Через сотни дальних верст Видят: в поле, у откоса Поднялись и встали в рост И пошли вперед матросы!

Зампрат в отдалении. Автоматчики в селезне Возвращаются назад. А в траве лежат тела — Три телешки полостых. Вдруг пристали один: — Ребята, Живы? — Живы! — Вот дела! ...Где-то Балтика ревет, Слово буря дует в горы, Где-то зорюшка над Черным Поднимается, встает. Где-то скалы да туман, Где-то Тихий океан. А друзья ползут втроем Надью, тропками степными, Пробираются живьем — И — кровавый след за ними. Шепчет первый: — Не могу, До своих мне не добраться... Поклонится морю, братцы, На Кронштадтском берегу! А друзья ему в ответ: — Тихее... Слышите рокот моря? Жить и жить на много лет, Немуча-гине на горе! Пусть дорога неслета! Дал ты клятву возвратиться, Кличет море моряка, Кличет Балтика балтийца! И опять ползут втроем По степному чернوبолью. Спускает вечер крылья. Над лесами, над живьем. И второй сказал в ночи: — Нет, уж, видно, не добраться... Вы меня оставьте, братцы... Двое шепчут: Помолчи! Пусть душа горит в огне — Ты к земле приткни ухом. Слышите: волны ропщут глухо, В Черноморской стороне! Вновь и вновь ползут они... Третий вдруг: — Прощайте, братцы! Пробирайтесь вы один, Суждено мне здесь остаться... А друзья: — Вглядись в туман: В черноту... За перевалом Встал наветр океан. И лет девятый валом! Ширь родима полей, Пахнет медом и полынью. За просторами, за синью Смотрят люди с кораблей. Через сотни дальних верст Видят: в поле, у откоса Поднялись и встали в рост И пошли вперед матросы!

Зампрат в отдалении. Автоматчики в селезне Возвращаются назад. А в траве лежат тела — Три телешки полостых. Вдруг пристали один: — Ребята, Живы? — Живы! — Вот дела! ...Где-то Балтика ревет, Слово буря дует в горы, Где-то зорюшка над Черным Поднимается, встает. Где-то скалы да туман, Где-то Тихий океан. А друзья ползут втроем Надью, тропками степными, Пробираются живьем — И — кровавый след за ними. Шепчет первый: — Не могу, До своих мне не добраться... Поклонится морю, братцы, На Кронштадтском берегу! А друзья ему в ответ: — Тихее... Слышите рокот моря? Жить и жить на много лет, Немуча-гине на горе! Пусть дорога неслета! Дал ты клятву возвратиться, Кличет море моряка, Кличет Балтика балтийца! И опять ползут втроем По степному чернوبолью. Спускает вечер крылья. Над лесами, над живьем. И второй сказал в ночи: — Нет, уж, видно, не добраться... Вы меня оставьте, братцы... Двое шепчут: Помолчи! Пусть душа горит в огне — Ты к земле приткни ухом. Слышите: волны ропщут глухо, В Черноморской стороне! Вновь и вновь ползут они... Третий вдруг: — Прощайте, братцы! Пробирайтесь вы один, Суждено мне здесь остаться... А друзья: — Вглядись в туман: В черноту... За перевалом Встал наветр океан. И лет девятый валом! Ширь родима полей, Пахнет медом и полынью. За просторами, за синью Смотрят люди с кораблей. Через сотни дальних верст Видят: в поле, у откоса Поднялись и встали в рост И пошли вперед матросы!

Зампрат в отдалении. Автоматчики в селезне Возвращаются назад. А в траве лежат тела — Три телешки полостых. Вдруг пристали один: — Ребята, Живы? — Живы! — Вот дела! ...Где-то Балтика ревет, Слово буря дует в горы, Где-то зорюшка над Черным Поднимается, встает. Где-то скалы да туман, Где-то Тихий океан. А друзья ползут втроем Надью, тропками степными, Пробираются живьем — И — кровавый след за ними. Шепчет первый: — Не могу, До своих мне не добраться... Поклонится морю, братцы, На Кронштадтском берегу! А друзья ему в ответ: — Тихее... Слышите рокот моря? Жить и жить на много лет, Немуча-гине на горе! Пусть дорога неслета! Дал ты клятву возвратиться, Кличет море моряка, Кличет Балтика балтийца! И опять ползут втроем По степному чернوبолью. Спускает вечер крылья. Над лесами, над живьем. И второй сказал в ночи: — Нет, уж, видно, не добраться... Вы меня оставьте, братцы... Двое шепчут: Помолчи! Пусть душа горит в огне — Ты к земле приткни ухом. Слышите: волны ропщут глухо, В Черноморской стороне! Вновь и вновь ползут они... Третий вдруг: — Прощайте, братцы! Пробирайтесь вы один, Суждено мне здесь остаться... А друзья: — Вглядись в туман: В черноту... За перевалом Встал наветр океан. И лет девятый валом! Ширь родима полей, Пахнет медом и полынью. За просторами, за синью Смотрят люди с кораблей. Через сотни дальних верст Видят: в поле, у откоса Поднялись и встали в рост И пошли вперед матросы!

Зампрат в отдалении. Автоматчики в селезне Возвращаются назад. А в траве лежат тела — Три телешки полостых. Вдруг пристали один: — Ребята, Живы? — Живы! — Вот дела! ...Где-то Балтика ревет, Слово буря дует в горы, Где-то зорюшка над Черным Поднимается, встает. Где-то скалы да туман, Где-то Тихий океан. А друзья ползут втроем Надью, тропками степными, Пробираются живьем — И — кровавый след за ними. Шепчет первый: — Не могу, До своих мне не добраться... Поклонится морю, братцы, На Кронштадтском берегу! А друзья ему в ответ: — Тихее... Слышите рокот моря? Жить и жить на много лет, Немуча-гине на горе! Пусть дорога неслета! Дал ты клятву возвратиться, Кличет море моряка, Кличет Балтика балтийца! И опять ползут втроем По степному чернوبолью. Спускает вечер крылья. Над лесами, над живьем. И второй сказал в ночи: — Нет, уж, видно, не добраться... Вы меня оставьте, братцы... Двое шепчут: Помолчи! Пусть душа горит в огне — Ты к земле приткни ухом. Слышите: волны ропщут глухо, В Черноморской стороне! Вновь и вновь ползут они... Третий вдруг: — Прощайте, братцы! Пробирайтесь вы один, Суждено мне здесь остаться... А друзья: — Вглядись в туман: В черноту... За перевалом Встал наветр океан. И лет девятый валом! Ширь родима полей, Пахнет медом и полынью. За просторами, за синью Смотрят люди с кораблей. Через сотни дальних верст Видят: в поле, у откоса Поднялись и встали в рост И пошли вперед матросы!

Зампрат в отдалении. Автоматчики в селезне Возвращаются назад. А в траве лежат тела — Три телешки полостых. Вдруг пристали один: — Ребята, Живы? — Живы! — Вот дела! ...Где-то Балтика ревет, Слово буря дует в горы, Где-то зорюшка над Черным Поднимается, встает. Где-то скалы да туман, Где-то Тихий океан. А друзья ползут втроем Надью, тропками степными, Пробираются живьем — И — кровавый след за ними. Шепчет первый: — Не могу, До своих мне не добраться... Поклонится морю, братцы, На Кронштадтском берегу! А друзья ему в ответ: — Тихее... Слышите рокот моря? Жить и жить на много лет, Немуча-гине на горе! Пусть дорога неслета! Дал ты клятву возвратиться, Кличет море моряка, Кличет Балтика балтийца! И опять ползут втроем По степному чернوبолью. Спускает вечер крылья. Над лесами, над живьем. И второй сказал в ночи: — Нет, уж, видно, не добраться... Вы меня оставьте, братцы... Двое шепчут: Помолчи! Пусть душа горит в огне — Ты к земле приткни ухом. Слышите: волны ропщут глухо, В Черноморской стороне! Вновь и вновь ползут они... Третий вдруг: — Прощайте, братцы! Пробирайтесь вы один, Суждено мне здесь остаться... А друзья: — Вглядись в туман: В черноту... За перевалом Встал наветр океан. И лет девятый валом! Ширь родима полей, Пахнет медом и полынью. За просторами, за синью Смотрят люди с кораблей. Через сотни дальних верст Видят: в поле, у откоса Поднялись и встали в рост И пошли вперед матросы!

Зампрат в отдалении. Автоматчики в селезне Возвращаются назад. А в траве лежат тела — Три телешки полостых. Вдруг пристали один: — Ребята, Живы? — Живы! — Вот дела! ...Где-